

СВЕТЛАНА ДРОЗДОВА

ТЕНЬ КОРОЛЯ.
МАСКА

Светлана Дроздова

Тень короля. Маска

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Тень короля. Маска / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

В королевстве Альтенгард семь лет действует тайный институт «Теней» — двойников, которых Гильдия лишает собственного лица и наделяет магической копией правителя. Безымянная героиня каждое утро проходит ритуал наложения чужих черт и выходит к двору под маской короля Рейнальда III — пьющего, равнодушного, давно утратившего интерес к власти. Она отточила его жесты, интонации, походку и даже неточности: идеальная копия — та, что повторяет изъяны оригинала. Настоящий Рейнальд ночами напивается в покоях, а Тень ведёт дневные аудиенции, отвечая на жалобы и доклады протокольным «мы рассмотрим». Но в один из дней маска даёт трещину: Тень задаёт вопрос, которого нет в протоколе, и произносит фразу, выдающую не королевскую лень, а человеческую совесть. А вскоре Рейнальд умирает — и Тень остаётся единственным «королём» в государстве, без страховки и без права на ошибку. Роман исследует темы стёртой идентичности, вины, одиночества и цены выживания, когда собственное лицо забыто.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Тень короля. Маска

Глава 1. Утро короля

Тень просыпается до петуха.

Это не дар и не проклятие — просто привычка, вбитая в тело за семь лет, как рефлекс собаки, которая поднимается в одно и то же время, потому что так делала всегда. Глаза закрыты. Дворец ещё тихий: где-то в глубине стен гремит ведро — кто-то из кухонных тащит воду из колодца, — и этот звук далёк и мягок, как стук сердца в чужой грудной клетке.

Сегодня — обычный день.

Мысль приходит первой, раньше всех остальных, и Тень держится за неё, как за верёвку над колодцем. Сегодня — обычный день. Не праздник, не похороны, не приезд посольства. Значит, протокол — стандартный, лица — знакомые, опасность — минимальная. Опасность — слово, которое она давно перестала произносить мысленно, но которое сидит под рёбрами, как заноза, которую невозможно вытащить, потому что кончик обломился внутри.

Тень открывает глаза.

Потолок. Серый, в трещинах, которые она знает наизусть: вот длинная, как река на карте, тянется от угла к центру; вот короткая, разветвлённая, похожая на молнию; вот крохотная, похожая на букву, которую она не может прочитать. Она придумала им названия за первый месяц — и с тех пор каждое утро здоровается с ними, как с соседями. Это ненормально. Она знает. Но ненормальное стало нормальным так давно, что разница стёрлась.

Каморка — три шага в ширину, четыре в длину. Кровать — узкая, жёсткая, накрытая серым шерстяным одеялом, которое колется, но к которому кожа привыкла, как привыкает ко всему. На стене — крюк для парадного камзола; на полке — три пары одинаковых перчаток, белых, тонких, до локтя. Ни одного личного предмета. Ни книги, ни гребня, ни шкатулки. Зеркал нет — запрещено. Тень не должна видеть своё лицо. Свое — то есть стёртое. То, что осталось после ритуала, когда Гильдия убрала черты, как скульптор убирает лишний камень, — только безвкуснее, потому что камень можно вернуть, а лицо нельзя.

Тень садится. Одеяло сползает. Воздух в каморке прохладный и затхлый — пахнет сырым камнем и чем-то сладковатым, тем самым составом, которым Магда закрепляет слой на ночь. Тень вдыхает этот запах и не замечает его, как не замечает собственного дыхания.

Пальцы — левые, потому что правая занята — касаются лица.

Это не осознанное движение. Тело делает его само, как делает моргание или сглатывание. Пальцы проходят по лбу, по переносице, по скулам, по подбородку. Под ними — кожа. Тёплая, гладкая, податливая. Не маска, не глина, не ткань. Кожа. Потому что магия Гильдии работает на уровне ткани: она не кладёт поверх — она перестраивает, вытягивает, подменяет. Лицо,

которое сейчас под пальцами, — чужое. Тень знает это. Пальцы знают. Кости под кожей — те же, что были семь лет назад, но мягкое поверх них — иное. Чужой лоб, чужие скулы, чужая линия челюсти. Ощущение чужого лица на своих костях — единственная боль, к которой Тень не может привыкнуть, но научилась игнорировать, как игнорируют шум воды, если живут у водопада достаточно долго.

Рука опускается. Глаза привычно обходят комнату, задерживаясь на привычном: крюк — пустой, камзол ещё не принесли; полка — три пары перчаток, ничего не сдвинуто; дверь — закрыта, щель под ней тёмная. Всё на месте. Мир не изменился за ночь.

Тень перечисляет.

Магда. Лицо. Зеркало. Гримёры. Малый зал. Аудиенция — жалобы на налоги, скорее всего, всегда налоги. Совет — Вольдемар о сборах, Дрейк о гарнизонах. Обед. Охота, если Рейнальд не отменит. Вечер.

Список — её способ оставаться в рамках. Рамки — то единственное, что держит её в здравом уме. За рамками — то, о чём она не думает. За рамками — имя, которое было, лицо, которое было, отец, который был. За рамками — всё, что вычеркнули из записей и из неё.

За дверью — три коротких удара.

Тишина. Пауза. Ещё три.

Магда. Время.

Магда входит, не стуча по-настоящему. Три удара — сигнал, а не просьба разрешения. Дверь открывается, и Тень не смотрит на неё — смотрит на ларец в её руках. Деревянный, тёмный, потёртый от многолетнего использования, с медной защёлкой, которая скрипит. Внутри — три флакона, костяная пластина с выгравированным контуром лица, круглое зеркало в медной оправе. Тень знает содержимое наизусть, потому что видит его каждое утро и потому что однажды, давно, разобрала ларец, пока Магда не пришла, — просто чтобы потрогать, просто чтобы убедиться, что вещи существуют вне ритуала. Они существовали. Это ничего не изменило.

Магда — невысокая, сухая, в тёмно-сером платье Гильдии с вышитым на вороте знаком — круг, разделённый пополам. Лицо — жёсткое, не от злости, а от усталости: усталости от того, что каждое утро она делает одно и то же, и каждое утро от этого зависит жизнь человека, о котором она не имеет права думать как о человеке. Волосы — седые, убраны назад, заколоты костяной шпилькой. Руки — без колец, сильные, с коротко остриженными ногтями. Хирургические руки. Тень видит их близко — единственное человеческое лицо, которое видит каждый день. Не лицо — руки.

Магда ставит ларец на полку. Зажигает вторую лампу — теперь в каморке два дрожащих жёлтых пятна, и тени от них ложатся крест-накрест, как ножи. Придвигает табурет. Садится напротив Тени, на расстояние вытянутой руки.

— Поверни голову.

Тень поворачивает. Садится прямо, запрокидывает подбородок. Между ними — привычное расстояние, привычный угол, привычный свет. Магда открывает первый флакон.

Основа — холодная, вязкая, пахнувшая мелом и горькими травами. Тень знает запах так, что различила бы его с закрытыми глазами в людной комнате. Магда наносит состав пальцами — ровными, выверенными движениями, от центра лица к краям. Тень чувствует покалывание — не боль, а онемение, как если лицо засыпает. Сон лица. Лицо отходит, чтобы уступить место другому. Каждый раз — маленькая смерть, каждый раз — маленькое рождение. Тень давно перестала бояться и того, и другого.

— Закрой глаза.

Тень закрывает. Темнота. Под закрытыми веками — привычные цветные пятна, которые плывут и тают. Магда работает молча. Тишину нарушает только лёгкий звук — скольжение пальцев по коже, влажный, мягкий, интимный в своей безличности.

Второй состав — фиксаж. Тёплый, почти горячий. Резкий запах, как от нагретого металла. Магда наносит его быстрее, и Тень чувствует, как лицо натягивается — не больно, но ощутимо, как если кто-то взял её за кожу и потянул, чуть-чуть, в нужную сторону. Под этим натяжением черты меняются: лоб становится выше, скулы — шире, нос — прямее, тяжелее. Рейнальдов нос. Рейнальдов лоб. Рейнальдовы скулы. Тень знает, как это происходит, потому что чувствовала каждый переход каждый день семь лет, и каждый день удивляется одному и тому же: как легко тело поддается. Как будто её лицо всегда ждало, что его заменят.

— Не моргай.

Третий состав — прозрачный, без запаха. Печать. Магда проводит по лицу один раз, ото лба до подбородка, как закрывая книгу. Лицо фиксируется. Тень открывает глаза.

Магда поправляет — пальцами, без составов. Чуть сдвигает линию брови — левая у Рейнальда чуть выше, врождённая асимметрия, которую никто не замечает, но которую Тень обязана носить. Выравнивает скулу. Тень сидит неподвижно, и Магда работает, и между ними нет ничего, кроме тишины и задачи.

— Плохо спала.

Не вопрос. Магда смотрит на тени под глазами — теперь уже тени под глазами Рейнальда, потому что лицо, которое она наложила, реагирует на тело, которое под ним. Если Тень не спит — лицо Рейнальда не спит. Если Тень плачет — глаза Рейнальда краснеют. Маска живёт на ней, как привой на дереве: питается от ствола, но даёт чужие плоды.

— Хорошо, — говорит Тень. Голос — её собственный, тихий, без маски. В камерке, до выхода, она может говорить своим голосом. Это единственная роскошь, которую себе позволяет, и Магда не запрещает.

Магда не спорит. Не настаивает. Констатирует и переходит к делу.

— Сегодня — обычный день.

Инструкция. Обычный день — значит, никаких отклонений, никаких пауз, никаких взглядов в сторону, никаких фраз, которых нет в протоколе. Тень кивает.

Магда собирает ларец. Флаконы — на место, костяная пластина — на место, зеркало — на место. Щёлка щёлкает. Пауза. Магда кладёт руку Тени на плечо — не гладит, не жмёт, просто кладёт. Мгновение. Убирает. Тень замечает. Магда замечает, что Тень замечает. Ни одна не подаёт вида.

Зеркало.

Магда подносит его — последнее действие ритуала, проверка. Тень смотрит.

Лицо Рейнальда III смотрит на неё из медной рамы. Знакомое, изученное, чужое. Тёмные волосы — свои, парик будет позже, в гардеробной. Короткая борода — наложена составом, чуть шерстватая на ощупь. Линия челюсти — тяжёлая, как у человека, который привык сжимать зубы. И глаза. Карие, тёплые, с морщинками в уголках — морщинки от смеха, хотя Рейнальд не смеётся уже три года. Глаза, которые не её. Под ними — хрустальные линзы, тонкие, из шлифованного горного хрусталя, которые Тень вставляет сама каждое утро, до Магды. Они неудобные: давят на веки, к вечеру от них слезятся глаза, и Тень весь день ходит за человека, который растирает слёзы от усталости, а не от куска камня, вставленного в глаз.

Глаза Рейнальда. Серая подёнка.

— Малый зал — через час, — говорит Магда, собираясь. — Лео ждёт у гардеробной.

Уходит. Дверь закрывается. Тень остаётся одна с лицом короля и серыми глазами под карим хрусталём.

Гардеробная — переходное пространство между камеркой и дворцом. Здесь хранятся одежды Рейнальда: камзолы, рубахи, плащи, сапоги — всё в шкафах из тёмного дерева, всё пронумеровано, всё учтено. Здесь пахнет кожей и лавандой — мешочки с сушёной лавандой лежат в каждом шкафу, от моли. Этот запах — единственный в жизни Тени, который не связан с ритуалом, и она вдыхает его жадно, когда может, тайком, как вор, который крадёт не деньги, а воздух.

Тень стоит перед высоким зеркалом. Единственным в её жизни. В камерке зеркал нет, в коридорах — столько, что невозможно избежать, но здесь — рабочее зеркало, зеркало для дела, и она смотрит в него как в инструмент, а не как в поверхность, которая отражает.

Тень открывает тетрадь.

Тетрадь — казённая, серая обложка, без имени. Ни на обложке, ни внутри. Первая страница — пустая, как лицо Тени до ритуала. Со второй — записи. Почерк мелкий, плотный, торопливый — как будто боится, что забудет. «Жесты». Заголовок, подчёркнутый два раза. Ниже — столбцы, аккуратно, по линейке:

«Чаша — левая рука, обхватить пальцами ножку, правая — на столе, расслаблена. Не подносит к губам сразу — выжидает два счёта, как будто раздумывает. Пьёт — запрокидывая чуть сильнее, чем нужно. Капля на подбородке — вытирает тыльной стороной, не салфеткой».

«Голова — при слушании поворачивает чуть вправо, как будто даёт собеседнику больше места. При отказе — влево, медленно, как будто нехотя. При гнев — не поворачивает вовсе, смотрит прямо. Гнев — редкость, но если есть, то тихий, без крика».

«Воротник — поправляет резко, одним движением, снизу вверх, как будто воротник виноват. Иногда — два раза подряд. Никогда — три».

Тень читает и повторяет. Поднимает воображаемую чашу левой рукой, обхватывает невидимую ножку, выжидает два счёта. Запрокидывает. Провожает тыльной стороной по подбородку. Смотрит в зеркало — лицо Рейнальда выполняет жест Рейнальда. Правильно. Тень ставит воображаемую чашу и поворачивает голову вправо, как будто слушает. Влево — как будто отвергает. Поправляет воротник — резко, одним движением, снизу вверх. Раз. Два. Не три.

Тетрадь — её инструмент выживания. Под полкой — стопка из десяти таких тетрадей, все заполненные, все серые, все безымянные. Первая — за первый год, когда Тень ещё путала жесты и однажды, на аудиенции, подняла чашу правой рукой вместо левой. Рейнальд — левша. Никто не заметил, кроме Магды, которая после сказала: «Правая рука. Чаша. Ещё раз». Больше Тень не путала.

Упражнения идут на автомате. Руки делают, тело помнит, и голова освобождается — и вот тогда приходит то, чего Тень не хочет.

Её лицо.

Не Рейнальдово — её. Собственное. То, которое было до. Оно всплывает, как подводный камень, который виден только в тихую воду: тёмные волосы — густые, непослушные, сбегаящие на глаза; узкий подбородок — острый, чуть выдающийся вперёд, как упрямый жест; веснушки на переносице — россыпь, мелкая, как песок. Она видит это лицо — не в зеркале, а внутри, в памяти, которая слабеет с каждым годом. Фреска, осыпавшаяся от сырости: цвета блёклые, контуры размытые, и с каждым днём — ещё немного, ещё чуть-чуть, ещё капля краски, которая осыпалась и не вернётся.

Тень старается запомнить. Сосредотачивается, как перед ритуалом. Веснушки — сколько? Семь? Восемь? Она не помнит. Подбородок — какой формы? Треугольный? Острый? Она помнит острый, но не помнит, как он ощущался под пальцами. Волосы — длинные? До плеч? До лопаток? Она не помнит.

Хуже всего — выражение. Она не помнит, как выглядела, когда ни о чём не думала. Лицо в покое — лицо без роли, без маски, без задачи. Каждый день она видит в зеркале лицо Рейнальда в покое и знает его наизусть: чуть опущенные веки, морщинка между бровей, мягкая линия рта. Но своё — не помнит. Потеря, которая ранит сильнее, чем потеря лица, потому что лицо можно стереть — и стёрли, — а отсутствие воспоминания о себе — это стирание, которое продолжается каждый день, пока от неё не останется ничего, кроме чужого лица и серых глаз.

Образ расплывается. Тень тянется к нему мысленно — и он тает, как отражение в воде, по которой провели рукой. Ещё секунда — и ничего.

Тень опускает тетрадь. Берёт перчатки с полки — белые, тонкие, до локтя. Натягивает. Медленно, палец за пальцем. Под перчатками — шрамы: тонкие, белые, на тыльной стороне ладоней. Следы ритуала, который прошёл не идеально. Магда говорит — нервные окончания, которые не подчинились заклинанию. Тень не знает, что это значит. Знает только, что руки — единственная часть тела, которую магия не трогала. Руки — её. Поэтому она прячет их.

В дверь стучат — по-настоящему, с вопросом. Не три удара, а два, с паузой, как спрашивают.

— Ваше величество, — голос Лео, — утреннее одеяние готово.

Тень отвечает голосом Рейнальда. Низким, чуть хриплым, с тенью скуки в конце фразы — так, как будто слово «готово» не заслужило интереса, но она снисходит до ответа.

— Хорошо.

Одно слово. Голос Рейнальда — её лучшая маска. Она отработала его годами: тембр, интонации, паузы, вздохи, хрипота после ночного вина, мягкость утреннего, ещё не разогретого горла. Голос — единственное, что она может контролировать полностью, потому что голос — это не лицо, не тело, не кости. Голос — это воздух и воля, а воздух и воля принадлежат ей.

Гримёры приходят двое. Молчаливые, профессиональные, из Гильдии — младшие чародейки, не посвящённые в суть ритуала. Для них это утренний туалет короля, часть рутины, которую они обслуживают годами. Они не знают, что перед ними — не король. Они правят лицо, думая, что правят лицо Рейнальда, — а правят копию, которая лежит поверх чужого лица, поверх стёртого. Маска на маске. Тень знает это, и это знание — единственная вещь в этой камерке, которая забавляет её. Не смешит — забавляет, как забавляет лишний ход в шахматной партии, который не меняет ничего, но показывает, как устроена игра.

Гримёры работают. Прячут тени под глазами — от бессонницы, которую они списывают на вино. Выравнивают тон — белила, охра, капля кармина на скулы. Добавляют одутловатость: Рейнальд пьёт, и лицо должно выглядеть соответственно, но не болезненно — тонкая грань между «король выпил» и «король болен». Гримёры знают эту грань, потому что ходят по ней каждый день.

Тень сидит неподвижно. Думает.

Аудиенция: жалобы на налоги — западные провинции, как всегда, восточные — тише, северные — не придут, потому что дороги размыло. Канцлер Вольдемар будет говорить долго и обстоятельно, и Тень будет слушать, и кивать, и произносить: «Мы рассмотрим», — потому что так написано в протоколе, а протокол — её единственный текст. Маршал Дрейк — о гарнизонах: южная граница, лихорадка в полку, перевод трёхсот человек из резерва. Дрейк говорит прямо, без виражей, и Тень ценит это, потому что прямые слова легче запоминать и легче повторять. Обед — один, потому что Рейнальд ест один с прошлого года, и Тень ест одна, и

это единственный момент дня, когда она может есть, не контролируя жевание, не сверяясь с тетрадью: как Рейнальд держит нож, как режет мясо, в каком порядке ест. За закрытыми дверями — просто ест. Это — радость. Маленькая, стёртая, как всё остальное, но — радость.

Охота — если Рейнальд не отменит. Рейнальд отменяет часто. Тень отменяет тоже, потому что не может стрелять из лука так, как стрелял Рейнальд, и охота — слишком сложная декорация. Придворные заметят. Поэтому — отмена. Головная боль. Вино накануне. Все понимают.

Один из гримёров роняет кисточку. Наклоняется, поднимает. В это мгновение — может быть, полсекунды, может быть, меньше — Тень ловит в зеркале отражение, которое не должно было задержаться. Лицо Рейнальда без грима, без гримёров, без контекста — голое, чужое, и глаза, которые смотрят на неё. Не её глаза — карие, хрустальные, тёплые от линз. Но что-то за ними. Что-то, что не Рейнальд. Что-то серое и испуганное, как зверь, которого выгнали на свет.

Микро-паника. Сердце делает один лишний удар. Тень гасит её — мгновенно, привычно, как задувают свечу. Лицо в зеркале — лицо короля. Гримёр выпрямляется. Кисточка на месте. Работа продолжается.

Гримёры уходят. Кивают — коротко, без поклона, потому что это гардеробная, не зал, и здесь — свой протокол, попроще. Тень остаётся одна. В зеркале — Рейнальд III, одетый, загримированный, готовый. Тень отворачивается от зеркала. Не резко — спокойно, как закрывают книгу, которую прочли.

Лео появляется в дверях. Оруженосец — невысокий, русский, с серьёзными глазами на несерьёзном лице. Ему девятнадцать, но выглядит на шестнадцать. Он несёт камзол — парадный, тёмно-синий с золотым шитьём, тяжёлый от золота и от чужой судьбы.

— Ваше величество.

Тень протягивает руки. Лео надевает камзол — привычно, ловко, застёгивает крючки, расправляет складки. Тень чувствует его пальцы сквозь ткань — лёгкие, торопливые, заботливые. Лео заботится о короле. Не о Тени — о короле. Тень это знает и не обижается. Обида — роскошь, которую она себе не позволяет. Не сегодня. Не обычный день.

Лео отступает. Смотрит. Замечает что-то — не подозрительность, но тень внимания, лёгкая, как облачко на солнце. Лео знает короля семь лет — настоящим королём, не Тенью, — и за последние месяцы «король» изменился. Стал тише. Собранный. Меньше пьёт на публике. Не гоняет лошадей по утрам. Не кричит на слуг. Лео списывает это на новую фазу — запой сменяется воздержанием, воздержание — запоем, и так по кругу. Лео видел это раньше. Но что-то в его глазах — не сомнение, а вопрос, который он не задаёт, потому что не знает, кому его задать.

Тень чувствует этот взгляд. Спиной, затылком, тем, что осталось от инстинкта самосохранения. И старается не менять привычки слишком быстро. Не ходить слишком ровно. Не сидеть слишком прямо. Не молчать слишком глубоко. Идеальная копия — не та, которая совпадает во всём, а та, которая совпадает в неточностях. Рейнальд сутулится — Тень сутулится. Рейнальд морщится от света — Тень морщится. Рейнальд вздыхает перед аудиенцией — Тень вздыхает.

— Ваше величество, — Лео снова, — малый зал готов.

Тень кивает. Кивок Рейнальда — тяжёлый, медленный, как если голова налитая свинцом. Рейнальд кивает так не от усталости, а от скуки, и Тень знает это, и повторяет, и каждый раз думает: один день. Один обычный день. И ещё один. И ещё.

Коридор от гардеробной до Малого зала — длинный, высокий, с гобеленами, на которых изображена история Альтенгарда. Тень не смотрит на них — знает наизусть. Вот основатель династии, Альтен I, на вороном коне. Вот битва при Кларене — река красная, всадники падают. Вот коронация Рейнальда I — корона на тёмной голове, и трое коленопреклонённых лордов, и дым ладана. История, написанная для тех, кто не читает. Тень проходит мимо, и гобелены остаются за спиной, и каждый — как страница, которую она не открывает.

Стражники выстраиваются. Три пары, по обеим сторонам коридора. Копья — к ноге, головы — вниз. Тень идёт походкой Рейнальда: чуть тяжёлой, уверенной, с лёгким покачиванием плеч, как у человека, который несёт вес не на плечах, а в голове. Шаг — не быстрый, не медленный. Семь лет — и тело знает этот шаг лучше, чем своё имя. У тела нет имени. Тело — лучшая ученица.

Слуги кланяются. Поварёнок — низко, не поднимая глаз. Две служанки — у стены, опустив головы. Старый лакей у дверей зала — коротко, привычно, как кланяются тому, кого видят каждый день и кого перестали замечать. Тень проходит, и её никто не видит. Видят короля. Король проходит.

Лео идёт позади, на два шага. Тень слышит его — не шаги, а дыхание, чуть ускоренное, потому что Лео спешит за ней, за её темпом, и темп — Рейнальдов, не её. Её темп быстрее. Рейнальд ходит медленно, как человек, которому некуда идти. Тень ходит быстро, как человек, который всегда спешит, потому что время — единственное, что у неё есть, и его всегда мало. Но сейчас — медленно. Тяжело. Как Рейнальд.

Лео смотрит на затылок «короля». Тень знает это — чувствует взгляд, как тепло. Лео видит: «король» идёт ровно. Не шатается. Не пахнет вином. Не хмурится. Вчера «король» был пьян — настоящий Рейнальд, который не вышел из опочивальни, а Тень провела вечер в каморке, ожидая, пока он заснёт, чтобы Магда могла снять слой и наложить заново утром. Сегодня «король» трезв. Трезвый «король» — странность. Лео отмечает странность и не знает, что с ней делать.

Двери Малого зала. Двустворчатые, дубовые, с бронзовыми ручками в форме львиных голов. Стража у дверей — двое, в парадных латах, неподвижные, как статуи. При виде «короля» — выпрямляются. Один берётся за ручку.

Пауза.

Тень стоит перед дверьми и ждёт, пока они откроются. За дверьми — свет: яркий, утренний, из высоких окон, и шум: голоса, шорох одежды, шаги, — всё то, что есть в зале, где

собрались люди, которые ждут короля. Тень делает вдох. Последний. Воздух в лёгких — её, не Рейнальда, и она держит его секунду, две, — как последний глоток своей собственной жизни.

Двери открываются.

Свет. Шум. Лица, которые поворачиваются. Канцлер Вольдемар — у правого окна, в чёрном, с цепью Совета на груди. Маршал Дрейк — у левой стены, прямой, как копье. Епископ Мартин — у камина, в ризе, с посохом. Графиня Ирена — у колонны, и глаза — острые, цепкие, как два гвоздя, которые вбивают в «короля» с первого взгляда. Мастер Грот — за столом, с бумагами, и не поднимает головы, потому что Грот всегда смотрит в бумаги.

Тень делает шаг.

Тело — Рейнальдово. Лицо — Рейнальдово. Голос — Рейнальдов. Руки — её, в перчатках. Глаза — её, под хрусталём. Она — никто, и она — все, и между этими двумя нет разницы, и в этом весь смысл.

Утро короля началось. Тень — началась тоже.

Глава 2. Король на публике

Малый зал — не тронный. Тронный в три раза больше, с колоннами, с потолком, расписанным под небо с херувимами, с тронном на возвышении — и с акустикой, которая превращает шёпот в шорох листвы. Малый зал — рабочий. Длинный, невысокий, с двумя рядами окон по правой стене, с камином у левой, с длинным столом из тёмного дуба, за которым Совет Шести собирается, когда нужно решить что-то, не предназначенное для парадных зал. Здесь король не восседает — сидит. Здесь он не безмолвная икона — человек, который слушает и кивает, и иногда, если повезёт, говорит.

Тень входит первой.

Это правило: король входит первым, все встают. Тень переступает порог, и зал — который секунду назад был живым, шевелящимся, полным голосов и движения — замирает. Не мгновенно, как обрыв песни, а плавно, как затихающая волна: сначала замолкают те, кто ближе к двери, потом те, кто у окон, последним — мастер Грот, который поднимает голову от бумаг с видом человека, оторванного от важного дела.

Тень идёт к столу. Походка — Рейнальдова: тяжёлая, чуть раскачивающаяся, с ленивой уверенностью человека, который знает, что стол никуда не денется. Шесть шагов до стула. Тень останавливается, кладёт руки на спинку — правая выше левой, как у Рейнальда, который всегда цепляется за спинку перед тем, как сесть, будто проверяет, не уберут ли стул из-под него. Жест, родившийся в первые месяцы царствования, когда Рейнальд ещё не доверял Совету. Жест, который стал привычкой. Привычка, которую Тень носит как вторую кожу.

Садится.

Стул скрипит — тяжёлый, дубовый, с красной бархатной подушкой, продавленной чьим-то весом за сто лет. Тень откидывается на спинку. Не расслабленно — вальяжно, как Рейнальд, который сидит так, будто ему здесь скучно, но он снисходит. Левую руку кладёт на подлокотник, правую — на стол, пальцы чуть согнуты. Тетрадь в голове: «Сидит откинувшись. Правая рука на столе, пальцы согнуты, но не сжаты. Левая — на подлокотнике, большой палец поглаживает дерево. Не барабанит — поглаживает. Разница — между нетерпением и скукой. Рейнальд — скука».

Большой палец касается дерева. Медленно, кругами. Зал сидит. Тень смотрит.

Вольдемар — первым. Канцлер стоит у правого окна, и Тень видит его в профиль: длинный, сухой, с цепью Совета на груди — тяжёлая, золотая, шесть медальонов на звеньях, по одному на каждый дом. Вольдемар не смотрит на «короля» — смотрит в окно, на внутренний двор, где конюхи чистят лошадей. Но это не рассеянность. Это расчёт: Вольдемар даёт «королю» время сесть, оглядеться, принять форму, прежде чем начнётся дело. Он знает, что Рейнальд ненавидит, когда к нему обращаются, пока он ещё не устроился. Вольдемар знает многое. Тень знает, что он знает, и это беспокоит её больше, чем открытые враги.

Маршал Дрейк — у левой стены. Прямой, как его копьё, в кожаном нагруднике без украшений, с мечом на поясе — меч в зале запрещён, но Дрейку разрешено, потому что Дрейк без меча — как собака без зубов, и все привыкли. Лицо — квадратное, загорелое, изборождённое шрамами, которые Тень знает поимённо: этот — от сабли при Кларене, этот — от стрелы при осаде Бергхольма, этот — неизвестно от чего, Дрейк не помнит, потому что был пьян. Глаза — серые, маленькие, внимательные. Дрейк не поклонился при входе «короля» — кивнул, коротко, по-военному. Тень кивнула в ответ — чуть медленнее, как Рейнальд, который снисходит.

Епископ Мартин — у камина. Риза — тёмно-красная, с золотой вышивкой по краю, посох — чёрное дерево с серебряным набалдашником в виде солнца. Мартин молод для епископа — сорок два, не больше, — и это видно по глазам: амбициозным, блестящим, не остывшим. Он смотрит на «короля» с выражением, которое Тень научилась читать за годы: внимание без подобострастия. Мартин не служит королю — служит Церкви, а Церковь служит короне, пока корона служит Церкви. Баланс. Тень уважает баланс, потому что баланс — это то, на чём держится её жизнь.

Графиня Ирена — у колонны.

Ирена. Единственный человек в зале, от которого Тень хочет отвести взгляд. Не потому что боится — потому что Ирена смотрит так, как смотрят на человека, которого видят насквозь. Не магия — пронизательность, отточенная годами двора и горем. Сестра покойной королевы, женщина, которая потеряла сестру и не потеряла привычку замечать чужие слабости. Ирена стоит, опершись на колонну, в платье тёмно-зелёного шёлка, и руки сложены перед собой, и лицо — спокойное, и глаза — те самые, гвозди, — смотрят на «короля» и не моргают. Тень встречает этот взгляд. Держит. Считает — раз, два, три — и отводит первой, как Рейнальд, который никогда не выдерживал взгляда Ирены дольше трёх секунд, потому что чувствовал в нём укор. Укор за дочь, за сестру, за жену, за бутылку. Тень отводит взгляд на четвёртой секунде. Ирена замечает. Отмечает. Убирает в память.

Мастер Грот — за столом, ближе к дальнему концу. Маленький, лысеющий, в сером, с очками на носу — редкость, стекло дорого, но Грот — казначей, и ему положено. Грот не смотрит на «короля» — смотрит в бумаги. Перед ним — стопка, перевязанная бечёвкой, и перо за ухом, и чернильница, и лицо человека, который считает. Всегда считает. Тень знает: Грот единственный, кто видит, что налоги разоряют крестьян, потому что Грот считает не цифры, а людей за цифрами. Но молчит, потому что молчание — его способ выживать. Тень понимает молчание. Молчание — её родной язык.

Лео — за стулом «короля», на два шага позади. Стоит, как положено оруженосцу: руки за спиной, лицо нейтральное, глаза — вниз, но не опущенные. Лео видит зал от края — периферией, как видят слуги, и это зрение острее прямого, потому что периферия ловит то, что не показывают. Тень знает это и не боится, потому что Лео не знает, на что смотреть.

Вольдемар отходит от окна. Цепь на груди — тихий, тяжёлый звон. Канцлер идёт к столу, садится напротив «короля», раскладывает бумаги. Движения — ровные, выверенные, как у человека, который делает это каждый день и которому каждый день скучно.

— Ваше величество, — голос Вольдемара, — на сегодня — три жалобы, два доклада и один вопрос.

Тень кивает. Кивок Рейнальда: тяжёлый, медленный, с ленивым «ну» в конце, которое не звучит, но читается в наклоне головы. Вольдемар принимает кивок и начинает.

Первая жалоба — от западных провинций. Барон Керл, представитель округа Керл-на-Реке, — невысокий, краснолицый, в дорожной пыли. Кланяется — низко, трижды, как положено. Тень смотрит на него лицом Рейнальда: чуть прищуренным взглядом, с выражением снисходительного внимания, которое говорит «говори, я слушаю, но не жди, что мне интересно». Рейнальд смотрел так на всех. Тень смотрит так же, но слушает. Слушает — потому что должна, потому что каждое слово может стать проверкой, и каждое слово, которое она пропустит, может вернуться завтра вопросом, на который она не ответит.

Барон Керл говорит о налогах. О новых податях, которые Совет ввёл в прошлом году — на соль, на кожу, на пеньку. О том, что крестьяне не тянут. О том, что три деревни в его округе бросили поля и ушли — не знаю куда, может, на восток, может, в горы. О том, что если так пойдёт дальше, зимой будет голод. Говорит путано, сбивчиво, с поклонами и извинениями, как будто вина — его. Тень слушает. Внутри — ничего. Не равнодушие, а тишина, та самая, профессиональная, выученная, которая позволяет слушать, не реагируя, и реагировать, не чувствуя.

Рейнальд на месте Тени сказал бы: «Мы рассмотрим». Фраза из протокола, пустая, как чашка, из которой выпили. Тень открывает рот. И вместо «мы рассмотрим» — пауза. Чуть длиннее, чем нужно. Чуть глубже. Пауза, которая звучит не как раздумье Рейнальда, а как раздумье человека, который слушает.

— Сколько деревень, — говорит Тень. Голос Рейнальда: низкий, хриплый, с тенью скуки. Но вопрос — не из протокола. Протокол не предусматривает уточнений. Протокол — «мы рассмотрим», и следующий.

Барон Керл моргает. Не ждал вопроса. Моргает и отвечает:

— Три, ваше величество. Кервен, Дальняя Поляна и... Мельничий Ручей.

— Сколько душ.

— Триста... триста сорок с чем-то, ваше величество.

Тень кивает. Кивок Рейнальда — но чуть другой, чуть медленнее, с долей секунды задержки, которая означает не «дальше», а «я запомнил». Вольдемар, напротив, поднимает глаза от бумаг. На секунду — всего на секунду — и опускает. Но Тень видит. Вольдемар заметил. Заметил, что «король» задал вопрос. Заметил, что вопрос был — о людях, а не о налогах. Заметил и не подал вида.

Внутри Тени — холодок. Ошибка. Не по протоколу. Не по тетради. Она спросила, потому что захотела, — а хотела, потому что барон Керл сказал «триста сорок с чем-то», и за этим «с чем-то» — люди, и Тень подумала о людях, а не о роли. Ошибка. Первая за сегодня. Надо быть аккуратнее.

— Мы рассмотрим, — говорит Тень, возвращаясь в протокол. Кивает. Барон Керл кланяется и отступает. Вольдемар делает пометку — короткую, одну строку. Тень не видит что. Хотела бы видеть.

Вторая жалоба — от восточных провинций. Тише, короче. Торговец из Эльмбурга — сухой, осторожный, с глазами, которые бегают. Жалуется на дороги: южный тракт размыт, осенние дожди снесли мост у Каменной Вершины, товар не идёт, убытки. Просит — ремонта за казённый счёт. Тень слушает. Кивает. «Мы рассмотрим». Протокол. Бездна между словами, в которую она смотрит каждый раз, и каждый раз — бездна смотрит в ответ.

Третья — не приходит. Северные провинции, как Тень и предполагала: дороги размыло, и представитель не доехал. Вольдемар отмечает это без эмоций, как отмечает всё: спокойно, ровно, с лёгким движением пера по бумаге. Зал принимает отсутствие с тем же безразличием, с каким принимает присутствие. Север — далеко. Север — всегда далеко.

Пауза. Слуги вносят вино — не для зала, для «короля». Серебряный поднос, кубок, кувшин. Тень смотрит на кубок. Тетрадь: «Чаша — левая рука, обхватить пальцами ножку, правая — на столе, расслаблена. Не подносит к губам сразу — выжидает два счёта, как будто раздумывает. Пьёт — запрокидывая чуть сильнее, чем нужно. Капля на подбородке — вытирает тыльной стороной, не салфеткой».

Тень берёт кубок. Левая рука — ножка, пальцы обхватывают, привычно, как обхватывают каждое утро воображаемую чашу. Правая — на столе. Ждёт. Раз, два. Подносит. Запрокидывает. Вино — кислое, молодое, утреннее, не то, что пьёт Рейнальд ночью, но Тень не чувствует вкуса — чувствует жест. Ставит кубок. Никакой капли. Рейнальд не всегда роняет каплю, и сегодня — не роняет.

Лео — за стулом — смотрит. Не на кубок — на руку. На левую руку, которая держит ножку. Тень чувствует его взгляд, как чувствует сквозняк: не холодно, но заметно. Лео видел, как Рейнальд берёт кубок, — тысячи раз. Рейнальд берёт грубее, хватом, пальцами снизу, не обхватывая. Тень обхватывает — мягко, аккуратно, как держат вещь, которую бояться уронить. Разница — микроскопическая. Но Лео — оруженосец, и оруженосец видит руки, потому что руки — его дело: подать меч, подать кубок, подать перчатку. Руки — его язык.

Тень замечает, что Лео заметил. И ничего не делает. Не меняет хват — это будет ещё заметнее. Просто пьёт, и ставит, и ждёт следующего доклада, и внутри — холодок, второй за утро. Два — это уже не случайность. Два — это узор.

Доклады.

Первый — мастер Грот. Казначей поднимается, и зал чуть заметно напрягается: Грот говорит о деньгах, а деньги — боль. Грот говорит тихо, ровно, монотонно, как человек, который читает столбцы цифр, потому что для него цифры — это не абстракция, а люди, но он давно научился не показывать это. Доходы за квартал — ниже ожидаемых на семь процентов. Расходы — выше на три. Дефицит — по двум статьям: содержание гарнизонов и ремонт дорог. Грот предлагает: сократить расходы на дворцовые празднества — не отменить, сократить, на четверть.

Тень слушает. Протокол: «Мы рассмотрим». Но Грот не просит ответа — просит внимания. И Тень даёт внимание — не Рейнальдово, снисходительное, а внимание человека, который понимает, что семь процентов — это не число, а деревни, которые бросили поля. Барон Керл сказал — триста сорок с чем-то. Грот говорит — семь процентов. Между ними — мост, который снесло, и дороги, которые размыло, и люди, которые ушли, потому что не могут платить. Тень видит это — не глазами, не умом, а чем-то под рёбрами, где сидит заноза.

Грот заканчивает. Садится. Не смотрит на «короля» — смотрит в бумаги. Тень знает: Грот не ждёт ответа, потому что не верит, что ответ будет. Три года — и ни одного ответа. Только «мы рассмотрим». Тень хочет сказать — что-то, что-то настоящее, что-то, что не «рассмотрим», а «сделаем». Но рот Рейнальда открывается, и выходит:

— Мы рассмотрим.

Грот кивает. Берёт перо. пишет. Тень смотрит на его руку — маленькую, быструю, точную — и думает: ещё один, который знает, что король не слышит. Ещё один, который молчит. Ещё один — как она.

Второй доклад — маршал Дрейк. Военный, прямой, без бумаг: говорит из головы, потому что голова у Дрейка — что сейф, всё по полкам, ничего не теряется. Южная граница — спокойно, но лихорадка в Третьем полку, сорок два человека больны, лекарь говорит — вода, колодцы заражены. Дрейк просит — перевести полк на два мили южнее, к чистому ручью, пока не переболеют. Тень кивает. Это просто. Это военное, не политическое. Дрейк не ждёт Совета, он ждёт «да».

— Сделайте, — говорит Тень. Слово — Рейнальдово, короткое, ленивое, как будто он махнул рукой. Но Дрейк принимает его, как приказ, и кивает — коротко, по-военному, и возвращается к стене. Тень отмечает: «да» — проще, чем «мы рассмотрим». «Да» — решение. Решение — не в протоколе. Но Рейнальд иногда решал, и Тень знает, когда можно, а когда нельзя. Военное — можно. Дрейк не попросит лишнего. Дрейк — надёжный, как стена.

Дрейк садится. Вольдемар делает пометку. Тень не видит — что, но видит — как: перо двигается дольше, чем обычно. Две строчки, не одна. Вольдемар пишет не приказ — пишет наблюдение. Тень понимает это спиной, затылком, тем, что осталось от инстинкта. Вольдемар собирает наблюдения, как другие собирают монеты. Каждое — мелочь, но из мелочи складывается картина. Тень не хочет быть частью картины Вольдемара.

Епископ Мартин молчит. Стоит у камина, посох в левой руке, правая — на поясе, под ризой. Молчит и смотрит. Тень чувствует его взгляд — не как Ирены, не гвозди, а как луч: мягкий, ровный, но проникающий. Мартин не ищет расхождения — Мартин ищет суть. Что за лицом. Что за жестами. Что за «мы рассмотрим». Тень знает: Мартин — из тех, кто не заметит чужой руки на кубке, но заметит, если «король» скажет что-то, чего Рейнальд не сказал бы. Мартин — не жесты, Мартин — смыслы. Смыслы — опаснее.

Пауза. Вольдемар собирает бумаги. Слуги убирают кубок. Зал чуть расслабляется — на минуту, на две, — и в этом расслаблении Тень чувствует, как тело начинает отпускать напряжение. Нет. Не отпускать. Она не позволяет. Но тело хочет, и это «хочет» — как зуд, как тянущее ощущение в мышцах, которое нельзя почесать, потому что Рейнальд не чешется на публике.

Лео подходит. Тихо, сбоку, как тень — ирония, которую Тень ценит молча. Подносит воду — не вино, воду, в простом стакане, без подноса. Это — вне протокола, вне ритуала. Это — Лео. Лео, который видит, что «король» не пьёт вино по-настоящему — подносит к губам, но не глотает, или глотает, но мало, — и решает: вода. Может, «король» болен. Может, «король» трезвеет. Лео не спрашивает — просто подносит воду, и в этом жесте — забота, простая, без расчёта, и Тень чувствует её, как тепло от огня, к которому нельзя подойти.

Тень берёт стакан. Правой рукой. Рейнальд берёт правой — нет, левой. Левая — на подлокотнике, не хочется поднимать. Тень переносит — быстро, естественно, как будто передумала. Левая берёт стакан. Пьёт. Вода — холодная, безвкусная, живая. Ставит.

Лео отступает. И в этот момент — может быть, потому что Тень расслабилась на долю секунды, может быть, потому что вода смочила горло и голос чуть изменился, — Лео ловит её взгляд.

Не «королевский» взгляд — тяжёлый, ленивый, отстранённый. Нет. Взгляд — прямой, быстрый, из-под маски, из-под Рейнальда, из-за всего. Взгляд, в котором — на долю секунды, на моргание — проступает не король, а человек. Человек, который устал, который благодарен, который видит Лео — не как часть декорации, а как живого, единственного, кто подал воду, потому что хотел, а не потому что должен.

Лео видит. Не понимает — видит. Что-то мелькает, как отражение в воде, которое исчезает, если моргнуть. Лео моргает. Отражение исчезает. «Король» снова смотрит сквозь него,

тяжёлый, ленивый, чужой. Лео отступает на два шага, руки за спину, лицо нейтральное. Но что-то в его глазах — не сомнение, нет. Вопрос. Вопрос, который он не сформулирует ни сегодня, ни завтра, но который поселился в нём, как семя в трещине камня. Вопрос без слов: «Кто ты?»

Тень гасит это. Мгновенно, привычно, как задувают свечу. Лицо Рейнальда — на месте. Осанка — на месте. Большой палец — поглаживает подлокотник, кругами, медленно. Всё на месте. Ничего не случилось. Обычный день.

Но внутри — третий холодок. Три — это не узор. Три — это сигнал.

Аудиенция заканчивается. Вольдемар встаёт, складывает бумаги, цепь звенит тихо. Поклон — короткий, формальный, как у человека, который кланяется не королю, а должности.

— Ваше величество, к обеду — доклад о южной границе, если угодно.

Тень кивает. Кивок Рейнальда — тяжёлый, с ленью. Вольдемар уходит. За ним — Дрейк, прямой, молчаливый, с лёгким скрипом кожаного нагрудника. Грот — последним, с бумагами под мышкой, не оглядываясь. Епископ Мартин задерживается — на секунду, на две. Стоит у камина, посох в руке, и смотрит на «короля» — не в глаза, нет. На лицо. На всё лицо, целиком, как смотрят на икону: не в детали, а в целое. Тень выдерживает. Три секунды. Четыре. Пять. Рейнальд не выдержал бы и трёх — отвернулся бы, махнул рукой, показал, что ему скучно. Тень выдерживает пять — и только потом отводит взгляд, медленно, с показным безразличием. Мартин кивает — не ей, чему-то своему — и уходит. Посох стучит по каменному полу: тук, тук, тук. Туканье удаляется, и зал пустеет.

Ирена — последняя.

Графиня не уходит с остальными. Стоит у колонны, и платье — тёмно-зелёное, как мох в тени, — и лицо — спокойное, и глаза — гвозди. Тень встаёт из-за стола. Ирена не кланяется — она из тех, кто не кланяется королю, потому что король — муж её покойной сестры, и родство выше короны. Тень знает это и не ждёт поклона. Рейнальд не ждал.

— Ваше величество, — голос Ирены, — вы сегодня внимательны.

Слово — «внимательны». Не «бодр», не «трезвы», не «в добром здравии». «Внимательны». Тень слышит в нём — не комплимент. Замок. Дверь, которую приоткрыли, чтобы посмотреть, кто за ней.

— Я всегда внимателен, — говорит Тень. Голос Рейнальда: хриплый, ленивый. Фраза — короткая, как у Рейнальда, который не объясняется. Но «всегда» — ложь, и Ирена знает это, и Тень знает, что Ирена знает.

— Нет, — говорит Ирена. Просто. Без вызова, без нажима. Как говорит человек, который констатирует факт. — Не всегда. Но сегодня — да. Вы задали вопрос барону. Вы обычно не задаёте вопросов.

Тень молчит. Молчание Рейнальда — тяжёлое, гнетущее, молчание человека, которому не нужно оправдываться. Молчит секунду. Две.

— Барон говорил о людях, — говорит Тень. И слышит — слышит сама — что фраза звучит не как Рейнальд. Рейнальд сказал бы: «Надоел». Или: «Ещё вопросы?» Или ничего. Но не это. Не «барон говорил о людях». Это — не лень. Это — совесть. А у Рейнальда нет совести. Была — утонула в вине три года назад.

Ирена смотрит. Три секунды. Пять. Семь. Тень выдерживает — потому что не может не выдержать, потому что если отведёт взгляд, Ирена увидит отвод, и отвод — это признание. В чём — Ирена не знает. Но почувствует, что есть в чём.

— Хорошо, — говорит Ирена. Не «хорошо» как согласие. «Хорошо» как заметку. Зачитанную, записанную, убранную в память. Поворачивается. Уходит. Платье шуршит по каменному полу — тихо, как змея по песку. Двери закрываются.

Тень стоит в пустом зале. Свет из окон — косой, утренний, тёплый, ложится на стол, на стул, на подушку с продавленным бархатом. Пылинки в луче — медленные, безразличные. Тень смотрит на них и думает: три. Три ошибки. Вопрос барону. Кубок. Взгляд с Лео. И — четвёртая, самая страшная — фраза Ирене. Четыре. Четыре — это не сигнал. Четыре — это трещина.

Лео — за стулом. Молчит. Но Тень чувствует: он хочет спросить. Не спросит — не умеет, не решается, не знает, о чём. Но хочет. И это «хочет» — четвёртый холодок, который Тень гасит, как гасит все остальные: привычно, быстро, без жалости к себе.

Тень делает шаг к двери. Походка — Рейнальдова. Тяжёлая, раскачивающаяся, ленивая. Стража у дверей выпрямляется. Двери открываются. Коридор — длинный, гобелены, стражники, слуги, поклоны. Тень идёт. Тело — Рейнальдово. Лицо — Рейнальдово. Голос — Рейнальдов. Руки — её, в перчатках. Глаза — её, под хрусталём. Она — никто, и она — все, и между этими двумя нет разницы.

Но сегодня — впервые — разница дала трещину. Тонкую, как волос. Невидимую, как она сама. Но трещину.

Тень идёт по коридору и считает. Не ошибки — дни. Один день прошёл. Сколько — впереди. Сколько — до того, как трещина станет щелью, а щель — провалом, а провал — концом. Тень не знает. Тень не считает будущее. Тень считает настоящее: шаг, шаг, шаг. Тяжёлый, ленивый, Рейнальдов.

Обычный день. Один из тысяч. Ещё один.

Глава 3. Тёмная комната

Коридор от Малого зала до каморки — сорок три шага. Тень знает, потому что считала. Не однажды — каждый день, каждый раз, как человек, который считает ступени лестницы не потому, что боится оступиться, а потому что считать — единственная власть, которая у

него осталась. Сорок три шага, четыре поворота, две лестницы — одна вниз, одна вверх, — и последняя дверь, узкая, неотличимая от дверей кладовых и прачечных, за которой начинается единственное место во дворце, где Тень может быть никем.

Лео провожает её до первого поворота. Здесь — граница: дальше «король» идёт один, потому что так заведено. Рейнальд после аудиенции удаляется в личные покои, и оруженосец не сопровождает его дальше дверей. Лео знает это. Лео кланяется — коротко, привычно, — и отступает, и Тень видит его спину: прямую, узкую, с выступающими лопатками под камзолом. Спина, которая уносит с собой вопрос — тот самый, без слов, который поселился в нём утром, когда Тень посмотрела на него не глазами Рейнальда. Тень смотрит вслед и думает: нужно быть аккуратнее с Лео. Не потому что он опасен — потому что он внимателен, а внимание опаснее подозрения. Подозрение ищет виновного. Внимание видит то, что есть.

Первый поворот. Гобелен — битва при Кларене, река красная, всадники падают. Тень проходит, не глядя. Второй поворот. Лестница вниз — семь ступеней, каменных, стёртых посредине от тысяч ног. Тень ступает на край, где камень целый, — привычка, не Рейнальда, а своя: ходить там, где не ходят другие. Рейнальд ступал посредине, тяжело, как будто втапывая камень в землю. Тень — по краю. Но здесь, в пустом коридоре, без зрителей, можно ступать как хочется. Она ступает по краю и чувствует под подошвой шероховатый, нетронутый камень, и это — маленькое, крошечное удовольствие, которое она никому не отдаст.

Третий поворот. Четвёртый. Лестница вверх — пять ступеней. Дверь.

Тень останавливается. Кладёт руку на дверную ручку — железную, холодную, без украшений. Вдыхает. За этой дверью — каморка, и в каморке — никто. Не Тень, не Рейнальд, не кто-либо. Просто пространство, в котором можно снять всё: лицо, голос, походку, осанку, жесты. Всё, что надето за утро, — снять, как снимают одежду, и остаться в том, что под одеждой. Под одеждой — ничего. Под одеждой — гладкая, восковая поверхность, на которой нет черт.

Дверь открывается. Каморка встречает её тишиной и запахом — сырой камень, затхлый воздух, и сладковатый, едва уловимый, тот самый состав, которым Магда закрепляет слой на ночь. Запах, который Тень перестала замечать семь лет назад, но который теперь, после утра в зале, среди людей, среди кожи и вина и воска и лаванды, ощущается как собственный. Как дом. Хуже — как могила, которую называют домом, потому что другой нет.

Тень снимает камзол. Тёмно-синий, тяжёлый от золотого шитья, чужой, как чужая кожа, надетая поверх своей. Расстёгивает крючки — левая рука, потому что Рейнальд левша, и Тень левшой, когда на публике, но здесь, в каморке, — правая. Правая рука расстёгивает быстрее, и Тень позволяет себе эту скорость, как позволяет себе дышать полной грудью, когда никто не видит. Камзол — на крюк. Тяжёлый, золотой, чужой. Крюк скрипит — знакомый, привычный скрип, как голос соседа, который надоел, но без которого тишина была бы слишком тихой.

Рубаха — льняная, белая, тонкая. Тень стягивает через голову, и ткань проходит по лицу — по лицу Рейнальда, по магическому слою, — и на секунду мир темнеет, и в этой темноте — мимолётный, невозможный образ: её собственное лицо, не стёртое, живое, с веснушками

на переносице и тёмными непослушными волосами. Образ длится полсекунды. Может быть, меньше. Потом рубаша снята, и свет возвращается, и лицо Рейнальда — на месте. Всё на месте.

Сапоги — левый, правый. Шнуровка — у Рейнальда сложная, двойная, с бантом, который оруженосец завязывает каждое утро, потому что Рейнальд не умеет и не хочет. Тень умеет, но не развязывает — просто стягивает, грубо, без *delicacy*, и сапоги падают на пол с тяжёлым, глухим стуком. Один. Другой. Звук, который означает: конец. Рейнальд закончился. До завтра.

Тень остаётся в нижнем белье — полотняная рубаша до колен, панталоны, босые ноги на холодном каменном полу. Идёт к полке, где стоят три пары перчаток, — снимает те, что на руках, и кладёт рядом. Руки — без перчаток, в шрамах, белых, тонких, на тыльной стороне ладоней. Руки, которые — её. Единственное, что магия не трогала. Тень смотрит на них — секунду, две — и прячет, складывая на коленях. Не потому что стыдится — потому что шрамы — единственная отметина, которая делает её собой, а быть собой в этой каморке — опасно. Опасно, потому что каморка — единственное место, где можно быть собой, и именно поэтому нужно быть осторожнее, чем где-либо.

Тень садится на кровать. Матрас — жёсткий, набитый соломой, продавленный в форме её тела за семь лет. Её тело — единственное, что остаётся в этом матрасе, пока все другие тела спят на пухе и перине. Тень ложится — на спину, руки вдоль тела, и смотрит в потолок. Трещины. Длинная, как река. Короткая, как молния. Крохотная, похожая на букву. Тень здоровается с ними — безмолвно, как каждое утро, — и закрывает глаза.

Тишина.

Не та тишина, что в Малом зале, — напряжённая, наполненная скрытыми смыслами и взглядами. Эта тишина — другая. Пустая. Глубокая, как колодец, на дне которого — ничего. Ни воды, ни отражения. Ничего. Тень лежит в этой тишине и чувствует, как тело отпускает. Не сразу — по частям, как отпускает верёвку, которую держали слишком долго и слишком крепко: сначала пальцы, потом кисти, потом плечи, потом шея, потом лицо. Лицо отпускается последним, потому что лицо — это работа, и работа не заканчивается, пока лицо не снято.

Три коротких удара в дверь.

Магда.

Тень садится. Ноги — на пол, холодный, каменный. Воздух в каморке — серый, как перед дождём, хотя за окном — осеннее солнце, бледное, беззубое. Окно — единственное, узкое, под потолком, не больше ладони. Тень не видит из него неба — видит только кусок стены напротив, покрытый плющом. Плющ — единственное живое, что она видит каждый день, и она следит за ним, как другие следят за садом: весной — зелёный, летом — тёмный, осенью — красный, зимой — голый. Сейчас — красный. Скоро — голый. Скоро — зима. Седьмая зима в этой каморке.

Дверь открывается. Магда входит — не как гость, не как посетитель, а как человек, который входит в свою мастерскую. Ларец в руках — тот самый, тёмный, потёртый, с медной защёлкой. Две лампы зажигаются — теперь три жёлтых пятна, и тени от них ложатся крест-накрест,

как ножи. Магда придвигает табурет, садится напротив. Расстояние — вытянутая рука. Привычное. Ритуальное.

— Поверни голову.

Тень поворачивает. Запрокидывает подбородок. Закрывает глаза. И ждёт.

Снятие — не то же, что наложение. Наложение — рождение: лицо приходит, занимает место, подчиняет. Снятие — смерть, но другая: не насильственная, а естественная, как лист, который падает с ветки, потому что пришло время. Магда работает молча, и Тень молчит, и между ними — тишина, которая глубже слов, потому что слова были бы лишними: они делают это каждый день, и каждый день одинаков, и в одинаковости — покой, который ни одна из них не назовёт, но обе чувствуют.

Первый состав — растворитель. Холодный, с резким запахом, как уксус и мята. Магда наносит его пальцами — медленно, от краёв к центру, как если снимает плёнку с поверхности воды. Тень чувствует: лицо начинает расслабляться. Не отваливается — не так просто, — но размягчается, как воск у огня. Черты Рейнальда, которые утром натянулись, как перчатки, — плывут, теряют жёсткость, расплываются. Нос становится уже. Скулы — ниже. Лоб — уже. Тень чувствует это как медленное онемение, переходящее в покалывание, как если лицо засыпает после того, как просыпалось. Странное, перевёрнутое ощущение: засыпать, чтобы проснуться. Просыпаться — к стёртому.

Второй состав — отделитель. Тёплый, почти горячий, с запахом нагретого металла. Магда наносит его быстрее, сильнее, нажимая пальцами на те места, где слой держится крепче — скулы, подбородок, надбровные дуги. Тень чувствует, как лицо стягивает — но не наружу, а внутрь, как если кожа пытается втянуться сама в себя, вернуться к тому, что под ней. К стёртому. К гладкому, восковому ничему.

Третий — вода. Обычная, тёплая, из кувшина, который Магда приносит с собой. Магда смывает остатки состава — мягко, аккуратно, как умывают ребёнка или покойника. Тень не знает, какого из двух, и не спрашивает. Вода течёт по лицу, и с ней — последние следы Рейнальда: его лоб, его скулы, его линия челюсти, его нос, его брови, его губы. Всё уходит. Остается — то, что было. То, что есть. То, что будет всегда.

— Можешь открыть.

Тень открывает глаза.

Мир — прежний. Каморка, лампы, Магда, потолок с трещинами. Но что-то изменилось — не снаружи, а внутри. Тело — снова её. Не Рейнальдово — её. Лёгкое, тонкое, с другой географией костей, с другой тяжестью. Рейнальд — широк, тяжёл, как шкаф. Тень — узкая, лёгкая, как тростинка. Семь лет носить чужое тело поверх своего — и каждый раз удивляться, как мало вешишь, когда снимаешь.

Магда убирает флаконы. Закрывает ларец. Защёлка щёлкает — привычно, как костяшка домино. Пауза. Магда смотрит на Тень — на стёртое лицо, на голые плечи, на руки в шрамах, — и в её взгляде — не жалость, не нежность, а та странная смесь материнской заботы и надзирательской ответственности, которую Тень научилась читать за годы и которую перестала

пытаться понять. Магда не объясняет. Магда не оправдывается. Магда делает свою работу и уходит, и между ними — расстояние, которое ближе, чем между Тень и кем-либо, и дальше, чем между Тень и ею самой.

— Ела? — спрашивает Магда. Не «как дела», не «как чувствуешь себя», не «ты в порядке». «Ела». Прагматично, сухо, по-магдовски. Тень кивает. Не ела, но кивает, потому что Магда будет настаивать, а настаивания — то, чего Тень не выносит.

— Хорошо, — говорит Магда. Не «хорошо, что ела». «Хорошо» — закрывающая фраза, точка. Поднимается. Уходит. Дверь закрывается.

Тень остаётся одна. Без лица.

Тень встаёт с кровати. Идёт к полке — той самой, на которой три пары перчаток и больше ничего. Рука — правая, та, что её, не Рейнальдова, — тянется за перчатки, и пальцы нащупывают то, что спрятано за ними: маленькое, плоское, завернутое в лоскут тёмной ткани. Тень вытягивает. Разворачивает. Зеркало.

Оно — не больше ладони, в медной оправе, с треснувшим стеклом, которое она нашла пять лет назад в мусорной куче за кухнями. Зеркало запрещено — строже, чем вино, строже, чем книги, строже, чем всё остальное, потому что зеркало — это лицо, а лицо — это тайна, а тайна — это жизнь. Если найдут — спросят, зачем. Ответа нет. Нет ответа, который не приведёт к допросу, а допрос — к раскрытию, а раскрытие — к чему-то, чего Тень не позволяет себе называть. Но она держит зеркало, потому что без него — она не знает, кто она. Не знает, как выглядит ничто, которое носит её тело.

Тень подносит зеркало к лицу.

Стёртое.

Не пустое — стёртое. Разница — как между чистым листом и листом, на котором писали, но стёрли. Чистый лист — невинен. Стёртый — нет. На нём были слова, и их убрали, но бумага помнит, и тени букв остаются — не видимые, а ощутимые, как отпечатки на песке после отлива. Так и лицо Тени: не пустота, а гладкая, восковая поверхность, на которой нет черт, но есть следы их отсутствия. Там, где был нос, — лёгкая впадина, как если кто-то провёл пальцем по глине, не довёл и убрал. Там, где были брови, — две тонкие, едва различимые линии, как тени от ветвей на снегу. Там, где были губы, — ровная, гладкая полоса, не рот, не щель — ничего, просто кожа, которая была ртом и перестала.

Тень смотрит. Каждый день — смотрит, и каждый день — одно и то же, и каждый день — впервые, потому что каждый день забывает, как это выглядит, и каждый день удивляется. Не ужасом — ужас был в первый год, потом прошёл, как проходит всё, — а тихим, усталым удивлением, как у человека, который открывает коробку и каждый раз не помнит, что внутри, а внутри — одно и то же. Ничего. Ничего — внутри.

Под восковой поверхностью — кожа. Тёплая, живая, реагирующая на холод и тепло, на прикосновение и воздух. Тень проводит пальцами по щеке — и чувствует: пальцы на коже, и

кожа чувствует пальцы. Лицо живое. Лицо — часть тела, и тело — её, и лицо — тоже её, но её — в отрицательной форме: не то, что есть, а то, чего нет. Она — определена отсутствием. Она — сумма вычитаний.

Тень отводит зеркало. Закрывает глаза. И видит — не снаружи, а внутри, в том месте, где хранятся воспоминания, — своё лицо. Не стёртое. Настоящее. То, которое было.

Тёмные волосы — густые, непослушные, сбегающие на глаза. Узкий подбородок — острый, чуть выдающийся вперёд. Веснушки на переносице — россыпь, мелкая, как песок. Она видит это лицо — в третий раз за день, как видела утром, в гардеробной, перед зеркалом, когда повторяла жесты. Фреска, осыпавшаяся от сырости. И каждый раз — немного меньше. Капля краски, которая осыпалась. Ещё одна.

Тень открывает глаза. Воскова поверхность смотрит на неё из треснувшего стекла. Тень прячет зеркало — за перчатки, заворачивает в ткань, кладёт на место. Руки — дрожат. Чуть, едва, но дрожат. Не от холода — от того, что каждый раз, когда она видит стёртое лицо, она знает: ещё один день — и воспоминание о настоящем станет ещё бледнее, ещё тише, ещё дальше. И однажды — исчезнет совсем. И тогда — что? Тогда стёртое лицо станет единственным. Тогда — нечего будет вспоминать. Тогда — не она будет носить лицо Рейнальда, а лицо Рейнальда будет носить её. Или — никого. Пустое тело с чужой маской и без воспоминания о своём. Живой мертвец, который не помнит, что был жив.

Тень садится на кровать. Натягивает одеяло на плечи — холодно, всегда холодно в этой камерке, потому что окна — щель, а стены — камень, и обогревать камерку никто не будет, потому что камерка — не для человека, а для вещи. Вещи не мёрзнут. Вещи не чувствуют. Вещи не ведут дневников.

Дневник — не тетрадь. Тетради — казённые, серые, безымянные, с записями о жестах Рейнальда. Дневник — другое. Маленькая книжица, сшитая из обрезков пергамента, которые Тень собирала по мусорным кучам и из мусорных корзин канцелярии в первый год, когда ещё не знала, что делает, но уже чувствовала, что если не начнет записывать — исчезнет. Переплёт — обрезок кожи от старого сапога, найденного в чулане, зашитый суровыми нитками. Ни обложки, ни названия, ни имени. Только — страницы. Пятнадцать. Пятнадцать обрезков, исписанных мелким, плотным почерком, который Тень разучилась бы читать, если бы не перечитывала каждый вечер.

Тень достаёт дневник из тайника — щель между камнями у изголовья кровати, достаточно узкая, чтобы рука прошла, но недостаточно широкая, чтобы заметить. Пальцы находят знакомый кожаный край, вытягивают. Тень садится, скрестив ноги, прикрыв плечи одеялом. Лампа — рядом, на полу, жёлтый свет дрожит. Тень открывает дневник.

Последняя запись — позавчерашняя. Почерк — торопливый, как будто боится, что чернила высохнут, или что она забудет, или что кто-то войдёт и нужно будет спрятать. «Магда принесла новый состав. Говорит, держит дольше. Не знаю, хорошо это или плохо. Хорошо — меньше риска, что слой сползёт. Плохо — дольше снимать, дольше быть Рейнальдом, короче быть собой. Но „быть собой“ — что это значит, когда у себя нет лица?»

Тень читает и не узнаёт себя. Не потому что изменилась — а потому что не помнит, кто писал. Чувство — как если найти чужое письмо и узнать в нём свой почерк. Слова — её. Мысли — её. Но автор — кто? Кто была та, что писала это? Кукла без лица, которая задаёт вопросы без ответов? Или — кто-то, у кого ещё было лицо, ещё было имя, ещё была вера в то, что ответы существуют?

Тень берёт перо — не своё, казённое, из гардеробной, которое она носит в рукаве и возвращает утром, пока Лео не видит. Чернила — из огарка сажи и воды, которые она разводит в треснувшей чашке, спрятанной под кроватью. Плохие чернила. Бледные. Но пишут.

Тень открывает новую страницу — последнюю пустую, предпоследнюю обрезку. После этой — одна, последняя. Потом — некуда писать. Потом — нужно искать новый пергамент, а новый пергамент — новый риск, и Тень не знает, готова ли она к новому риску. Не сегодня. Сегодня — писать.

«Сегодня — обычный день. Утром — аудиенция, три жалобы, два доклада. Барон Керл — западные провинции, налоги, три деревни бросили поля. Триста сорок с чем-то душ. Я спросила — сколько. Не нужно было. Протокол — „мы рассмотрим“. Я — „сколько душ“. Вольдемар заметил. Ирена заметила. Четыре ошибки за утро. Четыре — это не узор. Четыре — это трещина.»

Тень останавливается. Перо — в воздухе, капля чернила висит на кончике, готовая упасть. Тень не стряхивает — смотрит. Капля — чёрная, блестящая, круглая, как маленький глаз. Упадёт — оставит кляксу, и клякса — не слово, не мысль, а пятно, которое испортит страницу. Тень стряхивает. Капля падает на каменный пол — тихо, беззвучно, как слеза, которая не доросла до плача.

«Я спросила, потому что хотела. Не потому что должна, не потому что протокол — потому что захотела. Хотела — знать. Знать, сколько людей ушло. Знать, что за ними — голод, а не лень. Знать, что „семь процентов“ — это не цифра, а триста сорок с чем-то. С чем-то. С кем-то. С людьми, у которых есть лица.»

Перо останавливается. Тень смотрит на последнее слово. «Лица». Лица — у крестьян, у барона, у Вольдемара, у Дрейка, у Грота, у Ирены, у Лео. У всех. У всех — кроме неё. У неё — восковая поверхность и дневник, и больше ничего. Тень думает: я спросила о людях, у которых есть лица, потому что у меня нет. Я спросила о чужих лицах, потому что своё забыла. Это — не сочувствие. Это — зависть.

Она пишет дальше.

*«Отец говорил: „Цифры — это люди, которых мы не видим“. Он говорил это за ужином, когда думал, что я не слушаю. Я слушала. Я всегда слушала, даже когда делала вид, что нет. Отец был чиновник — мелкий, незаметный, из тех, кто считает чужие деньги и не имеет своих. Он считал — честно. Он говорил — правду. Он подал доклад, в котором написал, что казна недосчитывается, потому что казначей ворует. Казначей не воровал — воровал советник казначея, но отец был слишком маленький, чтобы знать, как устроены большие вещи. Доклад

вернулся. С пометкой: „Перепроверить“. Отец перепроверил. Нашёл то же. Подал снова. На этот раз — казначей узнал. И советник узнал. И те, кто за советником — узнали.»*

Тень останавливается. Рука — не дрожит. Рука — тяжёлая, как свинец, как будто перо весит больше, чем тело. Она пишет — и каждое слово — камень, который она поднимает и кладёт, поднимает и кладёт, строит стену из прошлого, которую разрушила собственными руками.

«Они не тронули отца. Они тронули меня. Мне было семнадцать. Я была — кто я была? Я была девочка с тёмными волосами и веснушками, острым подбородком и привычкой слушать, когда не слушают. Они пришли ко мне — не с угрозой, не с подкупом. С обещанием. „Твой отец — честный человек. Но честные люди — гибнут. Мы можем его спасти. Нам нужно — одно слово. Одно. Свидетельство, что он ошибся. Что цифры — неверны. Что он — не лгал, но ошибся. Один раз. Остальное — мы.“ Я сказала — да. Не потому что боялась — потому что верила. Вера — страшнее страха. Страх — бежит. Вера — остаётся и ведёт.»

Тень закрывает глаза. Образ — отец. Не лицо — лицо она не помнит, стёрла, вычеркнула, потеряла. Но — руки. Руки отца — маленькие, быстренькие, точные, как у Грота. Руки, которые держали перо и считали на счётах и гладили её по голове, когда она засыпала. Руки — последнее, что осталось от отца. Руки и вина.

«Я свидетельствовала. Сказала, что отец ошибся — перепутал столбцы, не проверил, пропустил. Комиссия — кивнула. Доклад — аннулирован. Казначей — цел. Советник — цел. Отец — нет. Отца обвинили в клевете — не на казначея, а на корону, потому что доклад был подан короне, а корона не ошибается. Суд — быстрый, формальный. Приговор — казнь. Я — не свидетель, я — жертва: дочь, которую опозорил отец. Мне — сочувствовали. Мне — помогали. Меня — устроили в службу, подальше от столицы, чтобы забыла. Я не забыла. Я — не забыла. Я — запомнила так, что забыла всё остальное.»

Перо останавливается. Чернила — на странице, слова — на странице, но Тень не читает. Она знает, что написала, потому что пишет это каждый раз, когда хватает смелости, и каждый раз — одно и то же, и каждый раз — не легче. Не легче — потому что дневник не судит и не прощает. Дневник — хранит. Хранит, как каморка хранит холод и запах состава, как матрас хранит форму тела, как трещины на потолке хранят названия, которые она им дала. Хранит — потому что больше некому.

Тень закрывает дневник. Прячет — в щель, между камнями, привычным движением, как закрывают дверь на ключ. Поворачивается к стене. Лежит. Смотрит в камень — серый, шершавый, холодный, — и думает.

Вина. Не та, что в тетрадах с жестами Рейнальда, не та, что в протоколах аудиенций. Другая. Настоящая. Вина, которая привела её сюда — не в каморку, а в Гильдию, к Магде, к ритуалу. Потому что после казни отца — после того, как она его убила словом, одним словом, — она перестала быть собой. Стала — никто. И когда Гильдия искала новую Тень, когда старая умерла от лихорадки или тоски или того и другого, — они нашли её. Не потому что подходила — потому что была никем. А никто — идеальный материал для Тени. Никто не скучает по себе. Никто не сопротивляется. Никто — не жалко.

Магда сказала тогда: «Это — не наказание. Это — служение». Тень кивала, потому что верить в служение было легче, чем знать правду: она выбрала стереть лицо, потому что не могла жить с тем, которое предало. Не отец предал — она. И лицо, которое предало, — её лицо, с веснушками и острым подбородком, — стало невыносимым. Невыносимым — как зеркало, в котором видишь убийцу. И Тень выбрала разбить зеркало. А Гильдия — помогла.

Тень лежит и вспоминает. Не дневник — себя. То, что не записано, потому что записать нельзя: ощущение, запах, прикосновение. Лицо, которое было.

Волосы. Тёмные, густые, непослушные. Какие? До плеч — она помнит, но не уверена. Может, длиннее. Может, до лопаток. Она помнит, как они падали на глаза, и как она откидывала — жестом, быстрым, нетерпеливым, как отгоняют муху. Жест — её, не Рейнальда. Рейнальд не откидывает волосы — у него короткая стрижка, и Тень носит парик. Но она помнит — жест. Помнит тяжесть волос на шее, помнит, как они путались на ветру, помнит, как мать расчёсывала — гребнем, медленно, и больно, и приятно, и это — самое старое воспоминание, самое далёкое, самое хрупкое. Расчёска. Мать. Волосы. Ощущение, которое невозможно описать, потому что слова — бледнее, чем память, а память — бледнее, чем реальность, а реальность — gone.

Подбородок. Острый, выдающийся вперёд. Она помнит — форму, но не ощущение. Как ощущался подбородок под пальцами? Она трогала его — наверное, трогала, все трогают свои подбородки, — но не помнит, как. Гладкий? Шершавый? Тёплый? Холодный? Она не помнит. Помнит только — что был. Был подбородок. Был — и нет.

Веснушки. Сколько? Она считала — в детстве, перед зеркалом, когда была лицом и именем. Семь? Восемь? Девять? Не помнит. Помнит — россыпь, мелкая, как песок. Помнит — что не любила их, хотела свести, и мать сказала: «Не трогай, это — твоё». Твоё. Единственное, что было её — и нет.

Выражение. Лицо в покое — лицо без роли, без маски, без задачи. Как выглядела она, когда ни о чём не думала? Когда сидела у окна и смотрела на дождь, когда читала, когда засыпала, когда просто была? Тень не помнит. Каждый день — лицо Рейнальда в покое: чуть опущенные веки, морщинка между бровей, мягкая линия рта. Лицо, которое она знает лучше, чем своё. Лицо, которое стало своим, потому что своё — забылось. И это — потеря, которая ранит сильнее, чем стёртое лицо. Потому что стёртое лицо — вещь, которую можно вернуть — теоретически, магией, которая есть. А стёртое воспоминание — не вещь. Его нельзя вернуть. Его можно только терять, по чуть-чуть, каждый день, как песок сквозь пальцы.

Тень переворачивается на живот. Лицо — в подушку. Ткань — грубая, пахнет сыростью и прошлыми ночами. Тень вдыхает и думает: однажды — не завтра, не через месяц, но однажды — она проснётся и не вспомнит своего лица. Совсем. Ни веснушек, ни подбородка, ни волос. Ни жеста, которым откидывала прядь со лба. Ни ощущения материнских рук с гребнем. Ничего. И в этот день — она перестанет быть Тенью, которая носит лицо Рейнальда. Она станет Рейнальдом, который носит чужое тело. Или — никем. Пустым телом, которое дышит и ходит и говорит чужим голосом, и не помнит, что когда-то было кем-то.

Тень не плачет. Разучилась. Не потому что не хочет — потому что слёзы — лицо, а лица нет. Слёзы — реакция, и реакция требует выражения, а выражать нечем. Тень не плачет и не смеётся и не кричит — не потому что запрещено, а потому что некуда. Всё, что она чувствует, — идёт внутрь, в ту глухую, спрессованную массу под рёбрами, которую она не называет, потому что название — первая ступень к выпуску, а выпуск — разрушение. Тень держит. Держит — как держит верёвку над колодцем, каждый день, каждый час. Отпусти — упадёшь. Не отпусти — руки сотрутся до крови. Третьего — не дано.

Вечер. Свет из щели-окна — тусклый, рыжий, осенний. Плющ на стене — красный, как кровь. Тень лежит и смотрит на потолок, и трещины — длинная, короткая, крохотная — знакомые, как родные, ближе, чем родные, потому что родных нет, а трещины — есть.

Тень встаёт. Ноги — босые, на холодном камне. Идёт к полке. Берёт тетрадь — не дневник, тетрадь. Казённую, серую, безымянную. Открывает на середине, где записи сегодняшнего утра: «Жесты». Читает — не глазами, а телом, как музыкант читает ноты: не смотрит, а слышит.

«Воротник — поправляет резко, одним движением, снизу вверх, как будто воротник виноват. Иногда — два раза подряд. Никогда — три».

Тень повторяет. Без зеркала, без камеры, без одежды. В нижнем белье, босая, в каморке, с восковым лицом и серыми глазами. Поднимает руку, хватая воображаемый воротник — резко, снизу вверх. Раз. Два. Не три. Пальцы — на шее, на голой коже, и кожа — стёртая, гладкая, и под ней — пульс. Её пульс. Не Рейнальдов.

«Голова — при слушании поворачивает чуть вправо, как будто даёт собеседнику больше места. При отказе — влево, медленно, как будто нехотя. При гнев — не поворачивает вовсе, смотрит прямо».

Тень поворачивает голову — вправо, медленно, с ленивым вниманием. Влево — с показным нежеланием. Прямо — и глаза, серые, без хрустальных линз, смотрят в стену, и в стене — ничего, и в глазах — ничего, и между ними — ничего. Тренировка. Тело — инструмент, и инструмент нужно держать в форме, даже если форма — чужая. Даже если форма — единственное, что есть.

Тень повторяет жесты. Чаша — левая рука, ножка, обхват, два счёта, запрокидывание. Голова — вправо, влево, прямо. Воротник — раз, два. Стул — руки на спинку, правая выше левой. Сиденье — откинуться, левая на подлокотнике, большой палец — круги по дереву. Круги. Круги. Круги.

Тень останавливается. Рука — на воображаемом подлокотнике, большой палец — в воздухе, делает круги, которые не нужны, потому что подлокотника нет, и зала нет, и Рейнальда нет. Есть — каморка, и она, и ночь впереди.

Тень закрывает тетрадь. Кладёт на полку. Берёт перчатки — кладёт рядом. Проверяет: три пары, ничего не сдвинуто. Проверяет: зеркало — на месте, за перчатками, завёрнутое в ткань. Проверяет: дневник — в щели, между камнями, на месте. Проверяет: тетради — стопка, десять штук, под полкой, на месте. Всё на месте. Мир — на месте. Она — на месте. На месте —

там, где ей положено: между вещами, как вещь, среди вещей, как вещь. Вещь, которая умеет ходить и говорить и поправлять чужой воротник.

Тень ложится. Одеяло — до подбородка. До воскового, гладкого подбородка, на котором нет черт. Закрывает глаза. Темнота — мягкая, тёплая, безопасная. В темноте — нет лица. Ни Рейнальдова, ни стёртого, ни своего. В темноте — только тело, и дыхание, и звук — далёкий, глухой — дворцовых часов, которые бьют восемь. Восемь вечера. До утра — десять часов. Десять часов — её. Не Рейнальдовы — её. Десять часов без лица, без голоса, без жестов. Десять часов — быть никем.

Тень лежит и думает. Думает — не о прошлом, не о будущем, а о настоящем. О сегодняшнем утре. О четырёх трещинах. О вопросе барону. О кубке. О взгляде с Лео. О фразе Ирене. Четыре — это много. Четыре — это начало. Начало — чего?

Тень не знает. Не знает и боится, и страх — единственное, что у неё есть, кроме дневника и зеркала и тетрадей. Страх — её, собственный, не Рейнальдов. Рейнальд не боится — ему нечего терять, он потерял всё, что мог, три года назад. Тень — боится. Боится, потому что ей есть что терять: себя. То немного, что осталось — несколько воспоминаний, несколько страниц, треснувшее зеркало и шрамы на руках. Это — всё. Это — она. И это — можно отнять. Любой день. Любым утром. Магда может не прийти. Или прийти — не одна. Или прийти — с приказом. Приказ — и нет больше Тени. Нет — потому что Тень — должность, а должность — не человек. Должность можно упразднить, а человека — забыть. Её уже забыли — семь лет назад, когда вычеркнули из записей. Осталось — тело. Тело без лица, с дневником в щели и страхом под рёбрами.

Тень переворачивается на бок. Подтягивает колени к груди. Одеяло — до подбородка, до восковой поверхности, до ничего. За стеной — дворец, живой, шумный, полный лиц и голосов и интриг. За стеной — Рейнальд, пьющий. За стеной — Вольдемар, пишущий. За стеной — Ирена, думающая. За стеной — Лео, не спящий. За стеной — мир, который не знает о ней. Который не должен знать. Который — никогда не узнает.

Здесь — каморка. Три на четыре шага. Кровать, крюк, полка, щель в стене. И — Тень. Без лица, без имени, без прошлого. С дневником, который кончается. С зеркалом, которое треснуло. С тетрадями, которые учат быть чужим. С воспоминанием, которое тает. С страхом, который растёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.